

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 763-772
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.763

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Of “Ours” and “Them”: Representations of the Kazakh Steppe in the Mid-19th century in the Travelogue of Merchant Yakov Prokhorovich Zharkov

Kurmangali G. Darkenov ^a, Serikbay D. Mamraimov ^b, Bibikhadisha Z. Abzhapparova ^{a, *},
 Aiman M. Azmukhanova ^a

^aL.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^bZhanibekov University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article, using materials from the travelogue of Saratov merchant Yakov Prokhorovich Zharkov, identifies key patterns in Russian society's construction of the image of the Kazakh steppe as a region actively incorporated into imperial space in the mid-19th century. The study identified the motives and reasons that prompted the average Russian entrepreneur to travel, as well as the considerations that guided their decision to record their impressions in a text for subsequent publication. An examination of such imagological concepts as autoimage and heteroimage allowed us to identify Ya.P. Zharkov's self-perceptions, his class affiliation, and his ethnocultural self-awareness. These concepts significantly influenced his and the educated segment of Russian society's perception of the Kazakh steppe as a space of imaginary geography. It has been established that the Orientalist and Eurocentric views of the mid-19th century, which spread through Russia's intellectual milieu, combined with the imperial narrative, exerted an indirect influence on the understanding of the eastern outskirts of the Russian Empire as its own lands – a “Proper East”. The materials of Ya.P. Zharkov's travelogue, on the one hand, distilled the stereotyped “civilizing” view of a man of “power and culture” on peripheral regions as objects of Russian cultural influence, and on the other, revealed the specifics of the merchant “optics” of reflecting on the empire's outlying territories in the context of 19th-century population politics. Ya.P. Zharkov's representations of the Kazakh steppe during the period under study are based on the “own”/“foreign” dichotomy, which predetermined the emotional nature of his perception of territories and people, with value judgments dominating analytical descriptions of travel narratives. At the same time, unlike the understanding of the East conveyed by imperial experts from elite communities – nobility and bureaucracy – merchant Zharkov's travelogue offers an opportunity to understand the territories incorporated into imperial space as the representations of a person not separated from the indigenous peoples of the Kazakh steppe by a significant cultural distance.

Keywords: travelogue, merchant Ya.P. Zharkov, Kazakh steppe, representations, autoimage, heteroimage, indigenous peoples, population policy, “civilizing”.

1. Введение

Обращение к эпистемологическим возможностям жанра травелога – литературы путешествий, широко распространившейся в России в XVIII–XIX вв., в современной исследовательской ситуации может рассматриваться как эффективный инструмент научной рефлексии колониционного опыта, частью которого являлся процесс конструирования образа периферийных регионов и населения

* Corresponding author

E-mail addresses: hadisha_1960@mail.ru (B.Z. Abzhapparova) ,
k_darkenov@mail.ru (K.G. Darkenov), s_dauletuly@mail.ru (S.D. Mamraimov),
aimanazmukhanova@gmail.com (A.M. Azmukhanova)

восточных окраин в период активной военной и административно-управленческой экспансии Российской империи ([Русский травелог...](#), 2015; [Майга, 2014: 254-259](#); [Ремнёв, 2015](#)).

А.М. Эткинд, характеризуя обстоятельства рождения травелога в эпоху Просвещения и его дальнейшее триумфальное шествие, связывал их с переопределением окружающего мира и расширением его ментальной системы координат. Научные и географические открытия, венчавшие эру становления рационального знания, существенно раздвинули границы коммуникативных практик человечества, познавательных возможностей, имевших во многом практикоориентированный, меркантильный характер: «...нуждаясь в «другом» как образце или утешении, воображение интеллектуалов переносилось через океаны легче их тел» ([Эткинд, 2022: 8](#)).

Саратовский купец Яков Прохорович Жарков, совершивший в 1852–1854 гг. деловую поездку в Казахскую степь, отчасти тоже может быть причислен к сообществу российских интеллектуалов. Не обладая хорошим образованием, он, тем не менее, взял на себя труд составить подробное описание путешествия в отдалённый регион. Будучи предпринимателем, торговцем, Жарков, на страницах своего путевого очерка запечатлел яркие картины далёкой восточной окраины, внося видимый вклад в создание образа региона, его жителей, повседневных практик поведения, хозяйственных занятий, организации производственного и профанного быта. Добавим, что предложенная Я.П. Жарковым рецепция «собственного востока», значительно видоизменяет многие сложившиеся в литературе путешествий стереотипы, навязываемые имперскими экспертами – представителями чиновничества, посетившими окраины по долгу службы и часто видевшие в них объект государственно-колониционных интересов.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы статьи составили непосредственно записки саратовского купца Я.П. Жаркова, опубликованные в 1854 г. в четырёх номерах журнала «Библиотека для чтения» за 1854 г. В 2012 г. усилиями казахстанских историков был подготовлен и издан сборник документов и материалов о путешествиях в казахскую степь в обширном хронологическом диапазоне XVIII – середины XIX вв., в который были полностью включены записки Жаркова о киргизах, датируемые 1852 г., а также записки 1854 г. Работа именно со сборником документов показала нам наиболее продуктивной, поскольку собранные материалы позволяют рассматривать «дорожные истории» отдельных персонажей, в частности Я.П. Жаркова в общем контексте путешествий в направлении казахских степей в длительный временной период ([Путевые дневники...](#), 2012).

Кроме того, в процессе чтения травелога Я.П. Жаркова мы обратили внимание на несколько важных нюансов: во-первых, достаточно свободный стиль изложения впечатлений, полученных в ходе поездки, игнорирование автором стандартных правил написания подобных текстов, с характерным доминированием отчётной риторики, а во-вторых, присутствие элементов эго-свидетельств, большой объём материала, включавшего личные переживания, эмоционально-экспрессивные реакции автора. В этой связи возникла необходимость объективирования информации, извлечённой из травелога, что направило исследовательский коллектив к привлечению литературы путешествий в Азию, составленную по результатам экспедиций представителей других социальных групп и профессий. Таким образом, круг аккомодируемых источников расширился за счёт травелога российского дипломата, учёного и общественного деятеля П.И. Пашино, совершившего в 1866 г. деловую и научную поездку в Туркестанский край ([Пашино, 1869](#)), записок о путешествии по окраинам российской Азии военного географа, члена РГО М.И. Венюкова ([Венюков, 1868](#)), сообщений о поездке в Ташкент писателя и просветителя Е. Маркова ([Марков, 1901](#)). Привлечённые материалы позволили выделить специфику представлений купца-путешественника о себе (автообраз) в тесной взаимосвязи с представлениями «о других» (гетерообраз), репрезентируемых в травелоге, а также скорректировать оценочность суждений об азиатской периферии в репрезентациях имперской бюрократии.

Актуализация осмысления проблемы конструирования автообраза персонажа (купца Я. Жаркова) и гетерообраза региона – обширной казахской степи, обратило исследовательский коллектив к дисциплинарному полю современной имагологии, предметом которой является изучение образов «своих» и «чужих» ([Иванова, 2016: 74](#)). Ключевое понятие статьи – «образ», определяется как интеллектуальный конструкт, результат сложных и динамичных представлений, репрезентируемых на различных «площадках», в том числе травелогах, отражающих рефлексии различных социальных групп, страт сообществ окружающего мира и своего места в нём ([Андерсон, 2001](#); [Замятин, 2003](#); [Родигина, 2006](#)).

3. Обсуждение

В виду того обстоятельства, что темой статьи является сюжет о конструировании образа казахской степи в репрезентациях травелога купца Я.П. Жаркова, полагаем целесообразным выделить наиболее значимые точки историографической традиции данного вопроса. Необходимо отметить, что история купечества как сословия, со всеми коннотациями социальной идентичности сообщества крайне широко представлена в научном творчестве учёных-историков, культурологов,

социологов и т. д. Однако тема о включённости купечества в интеллектуальную деятельность, с детальным анализом социокультурных представлений сословия, впервые получила максимально подробное обоснование в монографии новосибирского историка Е.В. Комлевой (Комлева, 2018). Автор, опираясь в своей работе на личные тексты купечества, поставила и решила ряд вопросов, связанных с формированием этоса купечества как локального сообщества, конструированием автообраза российских предпринимателей, создав благоприятную историографическую ситуацию, позволившую рассматривать купечество в качестве одного из действующих акторов российского исторического процесса, в том числе и в колониационном ракурсе.

Не менее существенной сферой историографической рефлексии является обращение исследователей к проблеме травелога как жанра и источника выявления представлений различных групп российского социума о восточных окраинах империи (Суворова, Кадилов, 2015; Токмурзаев и др., 2021, 2021; Tokmurzayev et al., 2025; Чуркин, 2022; Чуркин, 2023; Чуркин, 2024). Также нельзя не отметить и вклад в исследование проблемы теми авторами, которые посвятили свои статьи непосредственно проблеме интерпретации текста травелога Я.П. Жаркова. Так, сюжеты бытовой аккумуляции казахов середины XIX в. с опорой на свидетельства современников, в том числе Жаркова, получили детальное освещение в работах Д.В. Васильева и С.В. Любичанковского (Васильев, Любичанковский, 2018: 151-165; Васильев, 2019: 102-112); реакция на записки Жаркова Н.Г. Чернышевского подробно представлена в публикации А.Л. Фокеева (Фокеев, 2017: 80-84).

4. Результаты

Путешествие саратовского купца Я.П. Жаркова в «киргизскую степь» в 1852–1854 гг., результатом которого стало подробное описание впечатлений от поездки, органично вписывается в канву травелогов XVIII–XIX столетий, отразивших рефлексии «собственного востока России» (Тольц, 2013) различными группами российского общества. Вместе с тем, необходимо оговорить, что до некоторой степени, записки, составленные представителями российского частного капитала – купечеством, выпадают из общего контекста литературы путешествий, ставшей важным каналом репрезентации восточных окраин, в том числе и казахской степи, имперскими экспертами эпохи наиболее интенсивной территориальной экспансии азиатской периферии, примыкавшей к восточным границам России. Проблема заключается в несовпадении мотивов и задач экспедиций, организованных на казённые средства и частных акций, инициированных отдельными представителями торгового класса. Если в первом случае экспедиционеры выполняли по преимуществу функции разведывательного характера, попутно фиксируя этнографические детали образа жизни и быта населения окраин, то купечество, как правило, отправлялось в далекое путешествие руководствуясь корыстными соображениями экономического свойства, при этом мир местных обывателей становился для них объектом простого человеческого любопытства, в отдельных случаях совпадавшего с обыкновённым, вполне понятным тщеславием, которое выражалось в стремлении реализовать свои литературные амбиции. Так, Яков Прохорович Жарков, в объяснении причин, побудивших его отправиться в Казахскую степь, вполне откровенно пишет: «Летошним годом собрался я со своей хозяйкой, Авдотьей Ивановной, в дорогу, по торговому делу... Нынче вот такой случай выпал, что надо ей ехать... У Авдотьи Ивановны грудь слабовата маленько, ...присоветовали подышать тамошним воздухом, да и поиспробовать кумысу... Отойдёт, говорят, грудная боль...» (Записки..., 2012: 433). В преамбуле к путевым очеркам, Я.П. Жарков в полушутливой манере комментирует и свои намерения перенести на бумагу, увиденное им в степных областях: «...Третий месяц всё мучаюсь...: ай, напишу?... ай, не стану! Руки зудят, в голове гудит, сердце бьётся..., так и тянет меня к конторке...Ну и ин быть так. Рассказывать, так рассказывать! Ну, а может статься найдутся люди, что и не станут меня корить, да ещё и мне же промолвят: Благодарствуй...» (Записки..., 2012: 433).

Купеческий прагматизм, как исходный мотив, определивший намерения Я.П. Жаркова зафиксировать увиденное в ходе путешествия в форме травелога, не отменяет ценности произведённого автором текста, имеющем отчётливые признаки эго-документа, «позиционируемого не столько в качестве поставщика информации, сколько как хранителя и транслятора личных переживаний, внутренних ощущений и идентичности автора» (Чуркин, Умнов, 2019: 117) как одного из героев произведения. В этой связи, представления Я.П. Жаркова о казахской степи середины XIX столетия конструируются в двух системах координат: как автообраз (представление о себе, своём сообществе и близких по духу круге людей) и гетерообраз (представление о других), которым свойственна взаимосвязь и взаимопроникновение, в результате чего формируется воображаемый дискурс, воспроизводящий образ региона и его обитателей (Иванова, 2016: 77).

Одной из характеристик автообраза в травелоге Я.П. Жаркова выступает саморепрезентация, фиксирующая множественные идентичности автора: региональную, сословную, социокультурную, национальную. Отправляясь в долгий и непредсказуемый путь, Я.П. Жарков даёт яркое и эмоционально окрашенное описание временного отрыва от родной земли – «...Саратова, с уютом родительским домом, с уютной светлицей, заветным тёплым углом...» (Записки..., 2012: 434). Предстоящее путешествие воспринимается Жарковым как выход за границы привычного,

повседневного, составляющего сущность «своего» пространства: «...ещё тошнее покидать широкие, правильные улицы, прощаться с великанами – высокими каменными домами, с богатством наших частных и общественных строений... Умилённо крестились мы на золотые кресты наших великолепных божьих церквей...» (Записки..., 2012: 434).

Представление купца Жаркова о самом себе и «своём мире» становится невидимым для него маркером, определяющим восприятие «чужого», малознакомого и экзотического пространства иных культур. Во вводной части травелога Я.П. Жарков обстоятельно сообщает о роде своей деятельности, наследственности предприятия, доставшегося «исстари, ещё от покойного батюшки» (Записки..., 2012: 433), которое в настоящий момент разрастается за счёт торговли ситцем: «Шлют жену за Волгу: ну-тко, мол, и я насчёт баранчиков, да ситцев попригляжусь у карсаков, либо дальше у уральцев! А там – пуцусь к настоящим карсакам, в дальние орды...» (Записки..., 2012: 433). Автообраз «делового», «сметливого» предпринимателя дополняется в травелоге перечислением веских оснований/оправданий своих действий: принадлежности к купеческому сословию, с характерной для общности корпоративной солидарностью: «в Уральский город приятели надавали мне писем к своим хорошим знакомым» (Записки..., 2012: 433) и материальном благополучии семьи: «Мы были в независимом положении настолько, что могли даже другим услужить сухим бульоном, серенками (спички), содовыми порошками, плитками шоколаду и лимонадом в коробках...» (Записки..., 2012: 435-436).

Я.П. Жарков, конструируя на страницах путевых очерках свой автообраз, постоянно соизмеряет его с миром окраинных сообществ – этнически, социально и конфессионально пёстрых. Этот момент видится нам чрезвычайно важным в аспекте расшифровки представлений человека, ментально сформированного в имперской системе координат. По констатации Р. Джераси, российское владычество на окраинах, в том числе и в поволжско-уральском регионе, реализовывалось в условиях этнического разнообразия империи и попытки эту разнородность преуменьшить (Джераси, 2013: 5). В репрезентациях путешествия саратовского купца имперская рецепция постигаемого им пространства казахской степи и местных номадов будет определяться предшествующим опытом коммуникации с представителями других народов и конфессиональных групп, занимавших маргинальное положение между «своими» и «чужими». В последовательном описании немецких колоний и старожильческих селений, отмечая зажиточность немецких «колонок» на Волге и «коренных, старинных» русских селений (Журавлиха, Гусиха), расположенных к югу от г. Николаевска, Я.П. Жарков отмечает, что немцы «очень грубы..., восемьдесят лет живут на этой земле без хлопот: пора бы с нашими житься», а старожилы – люди, которые терпеть не могут нашего брата табачника и бритоуса...» (Записки..., 2012: 436).

Характерно, что имперский нарратив, сопровождающий конструирование Я.П. Жарковым автообраза, усиливается в процессе путешествия. Приближение к неведомым казахским степям сопровождается постоянным поиском и обнаружением «своего», выполняющего функцию своеобразного защитного барьера от заполнения пространства чужеродными элементами. Вступив в область земель уральских казаков, купец-путешественник акцентирует внимание на обстоятельствах хозяйственного и бытового уклада казачества: «...хлебопашества почти нет, пеньки нет, лесу нет», подчёркивая при этом, что «здесь всё привозное..., но дома опрятные, чистые, в линию» (Записки..., 2012: 440). Жарков резюмирует: «Казак, вестимо дело, рождён не на печи лежать, а биться за царя, за Русь Святую» (Записки..., 2012: 440). Для Я.П. Жаркова поддержание региональной, сословной и национальной идентичности в «чужой» земле, неразрывно связано с тотальным русским присутствием. Ссылаясь в тексте на письмо товарищей по корпорации из Саратова (своих), Жарков рассказывает о посещении в г. Уральске местного предпринимателя – торговца баранами, по предварительным представлениям автора травелога – типичного маргинала казачьего звания: «...надо взглянуть каков казачина выступит..., должно быть коренастый, толст, как вол, борода ниже пояса...» (Записки..., 2012: 441). К восхищению и удивлению Я.П. Жаркова, перед ним предстал «молодой, видный собой офицер...Георгий Ларионович, который отслужив урочные годы в Петербурге, в гвардии, воротился на родину и занимается теперь дома по хозяйству...» (Записки..., 2012: 441). Именно казачество репрезентируется Жарковым в качестве не только воинской силы, но и «своих», отстаивающих «русское дело» на враждебном Востоке. Обсуждая с попутчиком, выходцем из коренного населения, обычай аманатства – степным обычаем похищения людей, в том числе русских, с целью использовать таковых как заложников, Жарков про себя замечает: «Нынче уж этого не смеют делать! Нынче дрожат от одного имени – русский» (Записки..., 2012: 464). Принимая во внимание полиэтничность казачества уральского войска, и зная, что отдельные «умёты» и «улусы» возглавляют потомки бывших султанов, Я.П. Жарков посчитал необходимым написать благодарственное письмо одному из таких войсковых начальников, в надежде заручиться поддержкой во время путешествия по казахским аулам. Несмотря на избранный по выражению самого Жаркова, «галантерейный тон» обращения, полный лести и подобострастия, автор письма не отказал себе в удовольствии напомнить султану о том, что тот «согражданин нашего общего отечества и сын нашей матери Родины» (Записки..., 2012: 443).

Компоненты автообраза купца Я.П. Жаркова, выявленные посредством рефлексии представлений путешественника о себе, «своём» и «своих» определяют и активно взаимодействуют с

гетерообразом «чужого» и «чужих», конструируемого в тексте травелога. Очевидно, что интеллектуальное производство образа казахской степи середины XIX в., коренного населения и его повседневных практик, осуществляется автором с учётом его личного и социального опыта, включая ряд значимых сюжетов, иллюстрирующих восприятие Жарковым «чужого» мира.

К основным паттернам гетерообраза казахской степи, репрезентируемых в материалах травелога, мы относим:

Во-первых, паттерн иной организации пространства, подразумевающий смену ландшафтных и природно-климатических условий, воспринимаемых путешественником как вхождение в «чужое» и травматическая ситуация, видоизменяющая привычный для него уровень внешнего комфорта. В детальных описаниях Я.П. Жарковым этапов степного пути интонации восторга от увиденного часто смешиваются с недовольством темпом и условиями передвижения: «Ну уж степь – так степь. Глазом не окинешь дали!... С грехом пополам покатали мы дальше. Кони наши... припрыгивали и расстраивали порядок, арканы развязывались, дуга болталась,... нам, против воли, приходилось подскакивать на не очень-то мягких подушках...» (Записки..., 2012: 451-452). В живописание Жарковым степной бесконечности интересной представляется и смена оптического восприятия пространства: городской житель, воспринимающий перспективу через интенсивную застройку и архитектурное разнообразие, видит перед собой «необозримое поле, которому конца нет», и его взгляд невольно «цепляется» за хорошо знакомые взору приметы: «пригорки, овражки, кустарник невзрачный, увалы...» (Записки..., 2012: 451). Природа внедряется в привычный купеческий уклад и в ночное время, когда Я.П. Жарков устраивается на ночлег в казахской «кибитке» (юрте): «...Я во всём, как был одет, лёг на разостланную перину. И думал я: ночь, ветер дует... – прозябну ночью. Но когда я укрылся под матерчатое киргизское одеяло, мне стало так душно, что я не мог заснуть. Прочные кошмы...не пропускали ни ветру, ни ночной прохлады...» (Записки..., 2012: 475). Показательно и такое лирическое отступление: «Я обвёл глазами небо; оно сыпало на землю тихое мерцание ярких золотых, а уже *не наших* серебристых звёзд...» (Записки..., 2012: 479).

Отметим, что гетерообраз «чужого», создаваемого Жарковым вокруг сюжета о природных особенностях окружаемого пространства, в значительной степени лишён негативных коннотаций. Путешественник в своих дорожных воспоминаниях постоянно пишет о высокой адаптивности представителей купеческого сословия, развитой способности к преодолению различного рода неудобств. В этой точке происходит эффективное соединение автообраза и гетерообраза: «Мне спать по-дорожному – не приучаться спать!»; «Несколько дней назад я жил в своих хоромах, в богатом городе, в Саратове, а теперь, словно как дома, распоряжаюсь и сплю на открытой степи...» (Записки..., 2012: 475).

Во-вторых, паттерн русского «цивилизаторства», культурного миссионерства, характерный для восприятия в российском обществе восточных окраин как «своей, собственной земли», населённой экзотическими народами, нуждавшимися в государственной организации и опеке. В этом плане показательными являются исходные представления купца и его спутников о коренных обитателях казахской степи, и их последующая эволюция. Особый исследовательский интерес представляет для нас как динамичные конструкции восприятия Жарковым региона и жителей, так и те, которые отличаются поразительной устойчивостью.

Прежде всего, подчеркнём, что в основе представлений Я.П. Жаркова о казахской степи и казахах располагался грандстерейотип Отечества – «родной земли», «родного места», который репрезентируется на страницах травелога через понятные, доступные автору ассоциации – противопоставления: «...я, например – русский человек; живу на Волге-матушке и куда как люблю выпить... здоровенький ковшичек вкусной для меня волжской водицы..., представьте же вы себе, что карсаки (казахи) вовсе холодной воды никогда не пьют; у нас и в голову не придёт мысль, что могли бы существовать такие народы, которые живут без хлеба и хлебопашества, и после этого я вдруг очутился среди народа, у которого целое лето корки хлеба не мог допроситься; у нас родная земля, как совокупность и моей родины, и вашей, и всех и каждого..., родной язык и родная вера. У киргизов нет родины, нет Отечества, нет того блага, которое достаётся в удел развитого человечества» (Записки..., 2012: 503).

Вместе с тем, Я.П. Жарков, в своём травелоге признаёт подвижность собственных представлений о казахской степи и аборигенном населении, подчёркивая, что таковые первоначально складывались в результате «толков о киргизах», которые велись в Европейской России – в Саратове, и были существенно скорректированы уже в ходе путешествия в дни пребывания в Уральске и общения с местным казачеством. Так, «саратовские впечатления», легко укладывались в формулу: «...воры, хищники, дикие, чуть ли не людоеды,... в плен вас возьмут и станут мучить голодом» (Записки..., 2012: 441). При посещении Уральска выяснилось, что «теперь киргизы совсем не то, что были за пятьдесят лет» (Записки..., 2012: 440) и путешественникам будет предоставлена возможность убедиться в этом воочию, через непосредственное общение «с одним почётным киргизом» (Записки..., 2012: 441). Последующие контакты с представителями казахской администрации (аульным и дистанционным старшинами), а также простонародьем отлились в устойчивое убеждение в безопасности близких контактов. На вопрос Якова Прохоровича, обращённого супруге, «не боится ли она киргизов», та уверенно ответила: «Теперь мы нагляделись на них вдоволь: даром, что дикие,

злющие люди, а смотри как они с нами обходительны! Какие у всех весёлые, открытые лица...» (Записки..., 2012: 453).

Цивилизаторская логика Я.П. Жаркова, транслируемая в третьей части (тетрадке) травелога, рождается, на наш взгляд, из двух источников. В первую очередь из ощущения культурного превосходства, своеобразной «европейскости», обретенной хоть и «не по происхождению», как российским дворянством, гордившимся своей принадлежностью к европейской культуре, а по уму, таланту, предприимчивости, финансовым возможностям. В преамбуле к травелогу Жарков осознаёт некоторую беспочвенность своих намерений обратиться к литературному творчеству – уделу образованных сословий: «Куда конь с копытом – туда и рак с клешней... Пишут книжки люди учёные: я-то для чего не за своё берусь дело?» (Записки..., 2012: 432). Однако тут же находит неопровержимое оправдание своего поступка, подтверждение «особого» права, обусловленного материальными факторами: «сало топим..., мясо солим..., красным товаром промышляем» (Записки..., 2012: 432). Не менее существенным фактором формирования «цивилизаторских» представлений выступает и наивный этатизм народных низов, выходцем из которых является Яков Жарков. Государство-династия, обеспечивавшее собственную легитимность экспансией, регулярно транслировало обществу имперскую идею о государственном величии, достигаемом через противоборство с враждебным окружением и дарование благоденствия многочисленному безгласному населению окраин, исключенному из культурного поля. Я.П. Жарков, в тексте травелога ищет ответ на вопрос: каким образом «...безбрежная пустыня, где живут дикари, недавно ещё разбойничавшие и грабившие одинокого безвестного путника», пусть и временно, но стала для него домом? Как и почему случилось, что «теперь тишь такая всюду, что вот я с хозяйкой катаюсь, будто около Саратова!» (Записки..., 2012: 475-476). Наступившее благоденствие в казахской степи, путешественник объясняет двумя причинами: успехом военной экспансии русского оружия и мерами градостроительства в степи. По мнению Жаркова «Хивинская экспедиция доказала, что русское воинство неустойчиво: ни снега, ни жары, ничто ему не помеха; что храбрость его и стойкость в деле для народов Средней Азии – баснословны, невероятны, заколдованы!» (Записки..., 2012: 476). Далее купец приводит длинный список русских укреплений, построенных в казахской степи к середине XIX в., акцентируя внимание именно на военных их функциях, позволивших закрепиться России в регионе (Записки..., 2012: 481-482).

Обратим внимание, что в своих размышлениях и выводах Я.П. Жарков не был одинок. Имперская «оптика» оправдания русского «цивилизаторства» являлась неотъемлемой частью записок, очерков, травелогов в Центрально-Азию. Приведём лишь наиболее типичные свидетельства, созвучные восприятию востока Я.П. Жарковым, исходящие от экспертов, посетивших соседний Туркестан во второй половине XIX – начале XX вв. Российский военный и чиновник П.И. Пашино, пребывая в Ташкенте, констатировал: «Замечательно, что здесь преобладал русский элемент: одну треть составляли местные торговцы-сарты, а две трети – русские: солдаты линейные и артиллерийские и казаки...» (Пашино, 1868: 90). Писатель Е. Марков, описывая улицы Ташкента выражал восторг «...яркой белизной белых рубашек на беспрерывно снующих по улицам солдатиках и их ярких, как кровь, шароварах из козьей замши, замечая попутно, что «...солдат тут нужен всем и на каждом шагу. Он и защищает, он и устраивает, он и цивилизует...А что такое солдат в каком-нибудь Курске или в Щиграх? Кому и на что он нужен в обычное, мирное время?» (Марков, 1901: 467). Марков резюмировал: «Только прочным насаждением здесь русской силы мы можем надеяться держать в руках своих этот мусульманский край, населённый истари враждебными нам народами» (Марков, 1901: 507).

Выделяя русское «цивилизаторство» в качестве одного из ключевых паттернов представлений Я.П. Жаркова, нельзя не отметить одну важную особенность в репрезентации им фактора российского присутствия и русского культуртрегерства в казахской степи. В отличие от подавляющей массы путешественников в центрально-азиатский регион XIX столетия, купец Жарков не принадлежит к элитарным сообществам России имперского периода (дворянство, правительственная бюрократия, литературный бомонд). Читая текст травелога Я.П. Жаркова, не возникает ощущения значительной культурной дистанции между автором и объектом его познавательной рефлексии – степняками-кочевниками. В материалах Жаркова по определению отсутствуют откровенно шовинистические и ксенофобские заявления, подобно тем, которые регулярно встречаются в очерках Е. Маркова, определившего восточные окраины как «опасные гнёзда дикости и азиатского варварства» (Марков, 1901: IX) или П.И. Пашино, писавшего о покорении Туркестана: «Да, русские задали вам с 600-ми штыков такого петуха, которого вы никогда не забудете...» (Пашино, 1868: 90). Конструируя свой автообраз, Я.П. Жарков, постоянно акцентирует внимание на своём демократическом происхождении, а в описании обширного гардероба супруги Авдотьи Ивановны, напоминает, что многие привычки она вынесла из крестьянской среды: «Хозяйка моя родилась в коренной русской семье, еле-еле отвыкла от платочка, и по моей только милости...» (Записки..., 2012: 442). Позднее, характеризуя контакты с казахами, Жарков «...немало подивился короткостям, которые завязались у киргизских женщин с нашими: Авдотья Ивановна, а особенно Фёкла, так и рассыпались перед киргизьянками в разных вежливостях, а те перед ними то и дело тараторили по-своему. Понимали ли они друг друга – это особая статья; но они, видимо, были друг другом довольны» (Записки..., 2012: 449). Яков Петрович, не без удовлетворения отмечал, что многие деловые вопросы ему удавалось

урегулировать при посредничестве супруги, легко налаживавшей контакты с местными женщинами: «Мне во всём помогала моя хозяйка. Она затараторила с двумя жёнами старшины, вызнала по разным приёмам, которая из них имеет над мужем большую власть, попотчевала её содовыми порошками..., да кроме того старшей киргизянке поднесла плитку шоколада, которая та, отродясь в глаза не видывала. Старшинская жена разнежничалась, расцеловалась с моей Авдотьей Ивановной, начала упрасивать мужа насчёт лошадей и настояла на том, чтобы нам выбрали лучших лошадок...» (*Записки...*, 2012: 495).

О лабильности «цивилизаторских» убеждений Я.П. Жаркова свидетельствуют и его некоторые высказывания в резюмирующем разделе сочинения. Жарков, используя метафору музыкального тона, говорит о необходимости и возможности «настроить Киргизскую степь, управление, привычки и выгоды на один тон с русскими» (*Записки...*, 2012: 505), что осуществимо через установление торговых отношений и взаимную адаптацию.

5. Заключение

В целом, можно констатировать, что обращение к литературе путешествий, исходящей от выходцев из низовой социальной среды российского общества середины XIX в., позволяет существенно скорректировать «контур» представлений о восточных окраинах Российской империи, формируемых главным образом на основании мнений политических элит. Очевидно, что «купеческий спектр» травелога, помимо информационной составляющей, включает в свой состав значительную долю личных, эмоционально окрашенных реакций на события и состояния мира, с которым путешественники приходили в соприкосновение.

Характерно, что в отличие от путешественников, принадлежавших сообществу имперской бюрократии, вписывавшим свои впечатления в стандарты официального делопроизводства, авторы из народа, купцы, были свободны от стилевых шаблонов отчётного свойства, что придавало их наблюдениям особый колорит. Подобная свобода в реализации литературного опыта даёт исследователю прекрасную возможность «считывать» в тексте Я.П. Жаркова сложный и многогранный образ казахской степи и её обитателей, с учётом соотношения и взаимопроникновения элементов автообраза и гетерообраза, конструируемых на страницах произведения.

Представления купца-путешественника Жаркова о самом себе, своей группе и сообществах маргинального типа, составляющие автообраз автора и, одновременно, одного из персонажей травелога, становятся основанием для конструирования им гетерообраза «другого», «чужого», экзотизируемого литературными средствами. И в то же время, создаваемый Я.П. Жарковым образ казахской степи и коренного населения характеризуется подвижностью и пластичностью, что объясняется отсутствием значительной культурной дистанции между миром «своих» и «чужих» в исследуемый период.

Литература

Андерсон, 2001 – Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «Кучково поле», 2001. 288 с.

Васильев, 2019 – Васильев Д.В. Бытовая аккультурация казахов в XIX столетии: поселение и жилище / *Источник. Историк. Политика. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвященной 125-летию со дня рождения выдающегося российского историка-археографа А.П. Чулошникова*. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2019. 452 с.

Васильев, Любичанковский, 2018 – Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // *Вопросы истории*. 2018. № 3. С. 151-165.

Венюков, 1868 – Венюков М.И. Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1868. 535 с.

Джераси, 2013 – Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 348 с.

Замятин, 2003 – Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.

Записки..., 2012 – Записки саратовского купца Я.П. Жаркова / Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XIX века. Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев, И.М. Самигулин. Астана: ТОО «Общество инвалидов-чернобыльцев», 2012. С. 432-647.

Иванова, 2016 – Иванова А.Д. О понятийном аппарате современной имагологии // *Вестник Вятского государственного университета*. 2016. № 11. С. 74-78.

Комлева, 2018 – Комлева Е.В. Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение северо-восточной Евразии. Новосибирск: Параллель, 2018. 398 с.

Майга, 2014 – Майга А.А. Литературный травелог: специфика жанра // *Филология и культура*. 2014. № 3 (37). С. 254-259.

Марков, 1901 – Марков Е. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям и Каспийскому морю и Волге. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 541 с.

- Пашино, 1868** – Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 г. Путевые записки. СПб.: Тип. Таблена, 1868. 176 с.
- Путевые дневники..., 2012** – Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XIX века / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев, И.М. Самигулин. Астана: ТОО «Общество инвалидов-чернобыльцев», 2012. 758 с.
- Ремнёв, 2015** – Ремнёв А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2015. 580 с.
- Родигина, 2006** – Родигина Н.Н. "Другая Россия": образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX вв. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2006. 343 с.
- Русский травелог..., 2015** – Русский травелог XVIII–XX веков. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2015. С. 142-165.
- Суворова, Кадиков, 2015** – Суворова Н.Г., Кадиков Э.Р. Колонизационные тексты имперских экспертов (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2015, № 4(8). С. 174-193.
- Токмурзаев и др., 2021** – Токмурзаев Б.С., Тажитаева Р.С., Сирбаева А.А. Репрезентация имперских принципов управления Степным краем во второй половине XIX в. в записках генерала от инфантерии И.Ф. Бабкова // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 469. С. 204-209.
- Тольц, 2013** – Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М.: «Новое литературное обозрение», 2013. 336 с.
- Фокеев, 2017** – Фокеев А.Л. Этнографические «Записки купца Жаркова» в оценке Н.Г. Чернышевского / *Междисциплинарные связи при изучении литературы: Сб. науч. тр. Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 25–26 мая 2017 года*. Вып. 7. Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2017. С. 80-84.
- Чуркин, 2022** – Чуркин М.К. Репрезентации власти и общества Кокандского ханства в травелогах русских путешественников первой половины XIX в. / *Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований: Мат-лы второй Всероссийской научной конференции, посвящённой памяти доктора исторических наук, профессора Александра Владимировича Старцева (1956–2019), Барнаул, 05–06 мая 2022 года*. Барнаул: "Барнаульский юридический институт МВД РФ", 2022. С. 68-73.
- Чуркин, 2023** – Чуркин М.К. Репрезентации г. Омска и прилегающих территорий в дневнике-травелогге А.К. Гейнса // *Исторический бюллетень*. 2023. Т. 6. № 2. С. 65-70.
- Чуркин, 2024** – Чуркин М.К. Образ имперского субалтерна в дискурсе травелогов алтайских миссионеров второй половины XIX – начала XX вв. / *Современная регионалистика: традиционные подходы и новые направления: Сб. ст. III Междунар. науч. конф., посвященной 75-летию доктора филологических наук, профессора Н.А. Дворяшиной*. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2024. С. 39-44.
- Чуркин, Умнов, 2019** – Чуркин М.К., Умнов Е.Е. Воспоминания как эго-текст: детская тыловая повседневность сибирской провинции в годы Великой Отечественной войны / *Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого): Мат-лы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием. В 2-х частях, Томск, 03–04 октября 2019 года*. Т. Часть I. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. С. 116-121.
- Эткинд, 2022** – Эткинд А.М. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: «Новое литературное обозрение», 2022. 608 с.
- Tokmurzayev et al., 2025** – Tokmurzayev B.S., Churkin M.K., Zhangaliyev U.K., Mamraimov S.D. «Our Aliens» in the Imperial Project of Colonial Brokerage in the Eastern Outskirts of Russia in the Mid-19th – Early 20th Centuries // *Bylye Gody*. 2025. 20(2): 780-790.

References

- Anderson, 2001** – Anderson, B. (2001). Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma [Imagined communities: Reflections on the origins and spread of nationalism]. М.: «Kuchkovo pole». 288 p. [in Russian]
- Churkin, 2022** – Churkin, M.K. (2022). Rezentatsii vlasti i obshchestva Kokandskogo khanstva v travelogakh russkikh puteshestvennikov pervoi poloviny XIX v. [Representations of the government and society of the Kokand khanate in the travelogues of Russian Travelers of the first half of the 19th century]. *Sibir' v fokuse istoricheskikh, vostokovednykh i pravovykh issledovaniі: Mat-ly vtoroi Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati doktora istoricheskikh nauk, professora Aleksandra Vladimirovicha Startseva (1956–2019), Barnaul, 05–06 maya 2022 goda*. Barnaul: "Barnaul'skii yuridicheskii institut MVD RF". Pp. 68-73. [in Russian]
- Churkin, 2023** – Churkin, M.K. (2023). Rezentatsii g. Omska i prilegayushchikh territorii v dnevnike-traveloge A.K. Geinsa [Representations of Omsk and adjacent territories in the travelogue diary of A.K. Gaines]. *Istoricheskii byulleten'*. 6(2): 65-70. [in Russian]

Churkin, 2024 – Churkin, M.K. (2024). Obraz imperskogo subalterna v diskurse travelogov altaiskikh missionerov vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [The image of the imperial subaltern in the discourse of travelogues of altai missionaries of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Sovremennaya regionalistika: traditsionnye podkhody i novye napravleniya: Sb. st. III Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoi 75-letiyu doktora filologicheskikh nauk, professora N.A. Dvoryashinoi*. Surgut: Surgutskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Pp. 39-44. [in Russian]

Churkin, Umnov, 2019 – Churkin, M.K., Umnov, E.E. (2019). Vospominaniya kak ego-tekst: detskaya tylovaya povsednevnost' sibirskoi provintsii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [Memories as an ego-text: children's everyday life in the rear of the Siberian Province during the Great Patriotic War]. *Tvorcheskaya laboratoriya istorika: gorizonty vozmozhnogo (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya B.G. Mogil'nitskogo): Mat-ly Vseross. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem. V 2-kh chastyakh, Tomsk, 03–04 oktyabrya 2019 goda*. T. Chast' I. Tomsk: Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet. Pp. 116-121. [in Russian]

Dzherasi, 2013 – Dzherasi, R. (2013). Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii [Window to the East: Empire, orientalism, nation and religion in Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 348 p. [in Russian]

Etkind, 2022 – Etkind, A.M. (2022). Tolkovanie puteshestvii. Rossiya i Amerika v travelogakh i intertekstakh [Interpretation of travel. Russia and America in Travelogues and intertexts]. M.: «Novoe literaturnoe obozrenie». 608 p. [in Russian]

Fokeev, 2017 – Fokeev, A.L. (2017). Etnograficheskie «Zapiski kuptsa Zharkova» v otsenke N.G. Chernyshevskogo [Ethnographic “Notes of the Merchant Zharkov” as assessed by N.G. Chernyshevsky]. *Mezhdistsiplinarnye svyazi pri izuchenii literatury: Sb. nauch. tr. Materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Saratov, 25–26 maya 2017 goda*. Vyp. 7. Saratov: Izdatel'stvo "Saratovskii istochnik". Pp. 80-84. [in Russian]

Ivanova, 2016 – Ivanova, A.D. (2016). O ponyatiinome apparate sovremennoi imagologii [On the conceptual apparatus of modern imagology]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 11: 74-78. [in Russian]

Komleva, 2018 – Komleva, E.V. (2018). Sibirskoe kupechestvo: vklad v khozyaistvennoe osvoenie i izuchenie severo-vostochnoi Evrazii [Siberian merchants: contribution to the economic development and study of northeastern Eurasia]. Novosibirsk: Paralleli'. 398 p. [in Russian]

Maiga, 2014 – Maiga, A.A. (2014). Literaturnyi travelog: spetsifika zhanra [Literary travelogue: genre specifics]. *Filologiya i kul'tura*. 3(37): 254-259. [in Russian]

Markov, 1901 – Markov, E. (1901). Ocherki puteshestviya po Zakavkaz'yu, Turkmenii, Bukhare, Samarkandskoi, Tashkentskoi i Ferganskoi oblastyam i Kaspiiskomu moryu i Volge [Essays on travels through Transcaucasia, Turkmenistan, Bukhara, the Samarkand, Tashkent, and Fergana Regions and the Caspian Sea and the Volga]. T. 1. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha. 541 p. [in Russian]

Pashino, 1868 – Pashino, P.I. (1868). Turkestanskii krai v 1866 g. Putevye zapiski [The Turkestan region in 1866. Travel notes]. SPb.: Tip. Tablena. 176 p. [in Russian]

Putevye dnevniki..., 2012 – Putevye dnevniki i zapiski rossiiskikh chinovnikov i issledovatelei o Kazakhskoi stepi XVIII – serediny XIX veka [Travel diaries and notes of Russian officials and researchers on the Kazakh steppe from the 18th to the mid-19th centuries]. Sost. I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev, I.M. Samigulin. Astana: TOO «Obshchestvo invalidov-chernobyl'tsev», 2012. 758 p. [in Russian]

Remnev, 2015 – Remnev, A.V. (2015). Sibir' v imperskoi geografii vlasti XIX – nachala XX vekov [Siberia in the imperial geography of power in the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta. 580 p. [in Russian]

Rodigina, 2006 – Rodigina, N.N. (2006). "Drugaya Rossiya": obraz Sibiri v russkoi zhurnal'noi presse vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [“Another Russia”: the image of Siberia in the Russian journal press of the second half of the XIX – early XX centuries]. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 343 p. [in Russian]

Russkii travelog..., 2015 – Russkii travelog XVIII–XX vekov [Russian Travelogues of the 18th–20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Pp. 142-165. [in Russian]

Suvorova, Kadikov, 2015 – Suvorova, N.G., Kadikov, E.R. (2015). Kolonizatsionnye teksty imperskikh ekspertov (vtoraya polovina XIX – nachala XX v.) [Colonization texts of imperial experts (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. 4(8): 174-193. [in Russian]

Tokmurzaev i dr., 2021 – Tokmurzaev, B.S., Tazhitaeva, R.S., Sirbaeva, A.A. (2021). Reprerentatsiya imperskikh printsipov upravleniya Stepnym kraem vo vtoroi polovine XIX v. v zapiskakh generala ot infanterii I.F. Babkova [Representation of imperial principles of governance of the steppe region in the second half of the 19th century in the notes of infantry general I.F. Babkov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 469: 204-209. [in Russian]

Tokmurzayev et al., 2025 – Tokmurzayev, B.S., Churkin, M.K., Zhangaliyev, U.K., Mamraimov, S.D. (2025). «Our Aliens» in the Imperial Project of Colonial Brokerage in the Eastern Outskirts of Russia in the Mid-19th – Early 20th Centuries. *Bylye Gody*. 20(2): 780-790.

Tol'ts, 2013 – *Tol'ts, V.* (2013). «Sobstvennyi vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii period [“Russia's own East”: Identity politics and oriental studies in the late imperial period]. M.: «Novoe literaturnoe obozrenie». 336 p. [in Russian]

Vasil'ev, 2019 – *Vasil'ev, D.V.* (2019). Bytovaya akkul'turatsiya kazakhov v XIX stoletii: poselenie i zhilishche [Everyday acculturation of Kazakhs in the 19th century: settlement and housing]. *Istochnik. Istorik. Politika. Mat-ly Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoi 125-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiiskogo istorika-arkheografa A.P. Chuloshnikova*. Ufa: IYaL UFITs RAN. 452 p. [in Russian]

Vasil'ev, Lyubichankovskii, 2018 – *Vasil'ev, D.V., Lyubichankovskii, S.V.* (2018). Kazakhi i russkie: bytovaya akkul'turatsiya v XIX v. [Kazakhs and Russians: everyday acculturation in the 19th century]. *Voprosy istorii*. 3: 151-165. [in Russian]

Venyukov, 1868 – *Venyukov, M.I.* (1868). Puteshestviya po okrainam russkoi Azii i zapiski o nikh [Travels along the outskirts of Russian Asia and notes about them]. SPb.: Tip. Imperatorskoi akademii nauk. 535 p. [in Russian]

Zamyatin, 2003 – *Zamyatin, D.N.* (2003). Gumanitarnaya geografiya: Prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov [Humanitarian Geography: Space and language of geographical images]. SPb.: Aleteiya. 331 p. [in Russian]

Zapiski..., 2012 – *Zapiski saratovskogo kuptsa Ya.P. Zharkova* [Notes of the Saratov Merchant Ya.P. Zharkova]. Putevye dnevniki i zapiski rossiiskikh chinovnikov i issledovatelei o Kazakhskoi stepi XVIII – serediny XIX veka. Sost. I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev, I.M. Samigulin. Astana: TOO «Obshchestvo invalidov-chernobyl'tsev», 2012. Pp. 432-647. [in Russian]

О «своих» и «чужих»: репрезентации Казахской степи середины XIX в. в дорожном травелоге купца Я.П. Жаркова

Курмангали Газезович Даркенов ^a, Серикбай Даулатұлы Мамраймов ^b,
Бибихадиша Журсиновна Абжаппарова ^{a,*}, Айман Махсотовна Азмуханова ^a

^a Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

^b Zhanibekov University, Шымкент, Республика Казахстан

Аннотация. В статье, на материалах дорожного травелога саратовского купца Якова Прохоровича Жаркова, выявляются ключевые паттерны конструирования российским обществом образа казахской степи как региона, активно инкорпорируемого в имперское пространство в середине XIX в. В ходе исследования были установлены мотивы и причины, побудившие среднестатистического российского предпринимателя отправиться в путешествие, а также соображения, которыми он руководствовался, принимая решение зафиксировать свои впечатления в тексте, с его последующей публикацией. Обращение к таким понятиям имагологии как автообраз и гетерообраз позволило выявить представления Я.П. Жаркова о себе как личности, своей сословной принадлежности, этнокультурном самосознании, что оказало существенное влияние на рецепцию им и образованным сегментом российского социума казахской степи как пространства воображаемой географии. Установлено, что ориенталистские и европоцентристские воззрения середины XIX в., распространившиеся в интеллектуальной среде России, в соединении с имперским нарративом, оказывали опосредованное влияние на понимание восточных окраин Российской империи как своих земель – «собственного востока». Материалы травелога Я.П. Жаркова, с одной стороны дистиллировано отразили трафаретность «цивилизаторского» взгляда человека «власти и культуры» на периферийные регионы, как объект российского культуртрегерства, с другой – позволили обнаружить специфику купеческой «оптики» рефлексии окраинных территорий империи в ситуации политики населения XIX столетия. Основу репрезентаций Я.П. Жарковым представлений о казахской степи в исследуемый период составляет дихотомия «своё»/«чужое», что предопределило эмоциональный характер восприятия территорий и людей, преобладание оценочных суждений над аналитическими характеристиками сюжетов путешествия. Вместе с тем, в отличие от понимания востока, транслируемого имперскими экспертами из элитарных сообществ: дворянства, бюрократии, травелог купца Жаркова даёт возможность для осмысления включаемых в имперское пространство территорий, как представления человека, не отделённого от коренных народов казахской степи значительной культурной дистанцией.

Ключевые слова: травелог, купец Я.П. Жарков, казахская степь, представления, автообраз, гетерообраз, репрезентации, коренные народы, политика населения, «цивилизаторство».

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: hadisha_1960@mail.ru (Б.Ж. Абжаппарова),
k_darkenov@mail.ru (К.Г. Даркенов), s_dauletuly@mail.ru (С.Д. Мамраймов),
aimanzmukhanova@gmail.com (А.М. Азмуханова)